

СВОЙ СТИЛЬ, СВОЯ ПОЗИЦИЯ

Сказать, что это «Гамлет» необычный, — мало что сказать, ибо всякая художественно состоятельная постановка «Гамлета» кажется необычной — таков секрет этой «вечной» трагедии.

Скажу иначе и с полной убежденностью: театр-студия на «Юго-Западе» (так она именуется по одному из московских районов) осуществила яркий, целостный и художественно убедительный спектакль по Шекспиру.

Верный своей режиссерской стилистике, Валерий Белякович точными ударами света высвечивает важное, оставляя «фоны» во тьме. Действие вырывается из тенет реквизита, освобождается от вещей и декораций, оно как бы поднимается в «ауру душ». Работают лица и фигуры, ритмы проходов, ритмы диалогов. Стих Пастернака обнажает собственную психологическую динамику. Шекспировский сюжет выходит из классической дымки и включается в теперешний эмоциональный контекст.

Сам В. Белякович в роли Клавдия дает скорее версию черного гамлетизма, нежели воплощение беспросветного зла, как принято считать; его Клавдий разрывается между трезвым жестоким государственным расчетом и необходимостью преступать ради него законы морали. Гамлет же, ему противостоящий, в свою очередь выходит из рамок традиционного гамлетизма; он не разрывается между рефлексией и необходимостью действовать; это не расслабленный умственным ядом мечтатель, привычный по трактовкам прошлого; это человек, знающий, что надо делать и готовый к действию; и держит его не внутренний разлад, а всеобщая трусость и слабость, мелкие и низкие интересы вокруг. Виктор Авилов опирается на современные психологические реакции: это нетерпение, горечь, взрывное достоинство; кое-где чувствуется полемика со Смоктуновским, кое-где в хриплом говоре Авилова отзывается и Высоцкий; все это мне не мешает; напротив, это знаки нашего сегодняшнего искусства. Запоминается и странный облик Авилова — рубленое лицо, обрамленное неожиданно нежной белой волной волос, смеющиеся умные глаза, опущенные неожиданно нежными детски-белыми ресницами; Авилов — своеобразная актерская эмблема театра; его узнаваемость в «Гамлете» добавляет классическому сюжету будоражаще-современные краски.

Режиссерская позиция, решительно нетрадиционная для этой пьесы, окрашивает и финал спектакля. Обычно Фортинбрас

является как светоч справедливости и глашатай возмездия: В. Белякович вспоминает, что солдаты Фортинбраса, заполняющие сцену в финале, говорят не на датском, а на чужом герою пьесы языке. Иностранная речь, запах нашествия, тьма оккупации, крах родины — вот расплата за подлость душ, мелко пакостничавших в своем доме. Спектакль звучит сурово, резко и горько.

Резкость рисунка и определенность интонации — вообще черта Беляковича-режиссера и черта театра, вот уже шесть лет действующего на московской окраине. Репертуар разнообразен. Булгаковский «Мольер» рядом с ироническим танцевально-музыкальным представлением «Театр Аллы Пугачевой», «Штрихи к портрету» Василия Шукшина и «Жаворонск» Ануя, «Самозванец» Льва Корсунского и весь драматургический Гоголь.

Здесь найден свой сценический стиль: контрастный, «черно-белый», на мощных ударах света и звука, на резком и крупном актерском рисунке. Найдена общая концепция: ощущение нравственного закона, прокладывающего себе дорогу сквозь людскую слабость.

И этот стиль, и этот пафос, и эта внутренняя определенность — причина того, что тесный зрительный зал всегда переполнен. Кем? Жителями московского Юго-Запада, знающими свой театр, и паломниками со всей Москвы.

Л. АННИНСКИЙ.